

Татьяна АЗОВСКАЯ

Я РАССКАЖУ
ТЕБЕ...

Избранное
1963-2003 гг.

«Полиграфсервис»
Уральск,
2003

Издание этой книги - сорокалетия моего
поэтического труда - стало возможным благодаря
старанию и помощи двух людей:

заместителя акима г.Уральска

Елены Ивановны ТАРАСЕНКО

и генерального директора итальянской фирмы

«Сичим» **синьора Клаудио СЕККИ.**

Моя благодарность им - безмерна!

Стихи Татьяны Азовской давно известны любителям поэзии. Она, член Союза писателей Казахстана и Союза писателей России, автор трех поэтических сборников: «Благодарю судьбу», «Письмо из осени», «Смуглое лето». Ее стихи публиковались в российских и казахстанских альманахах и журналах.

Творчество Т.Азовской - это неустанный труд души, ранимой и неравнодушной ко всему прекрасному в этом мире. Но центральное место ее поэзии (и этой книги) принадлежит родной земле - центру Евразии, где сошлись два континента, две культуры

Т.Азовская. Я расскажу Тебе... Избранное 1963-2003 гг. - Уральск, 2003. 294 стр.

Ju. Azoyt.

Клаудио Секки

*Ах, что за чудачество, право!
Когда - и не вспомню уже -
южанка, красавица Парма
в моей поселилась душе.*

*Здесь временем тронуты камни,
и древностью веет от стен.
Зачем так заботлива память
к тому, что не знает совсем?*

*И страстью спеленутый ветер
смирненно ложится у ног.
Но герцог великого Верди
ведет роковой монолог
о сердце изменчивом...*

Боже!

*Зачем, позабыв про года,
ушедшую юность тревожу
и вновь молода-молода!*

*От чар этих некуда деться.
А дело, наверное, в том,
что Ваша Италия - сердца
коснулась своим сапожком.*

Claudio Secchi

*Ah! veramente che stravaganza,
Quando – e non mi sovvegno già-
la meridionale, bella Parma
ha conquistato il mio cuore.*

*Qui i sassi sono accarezzati dal soffio del tempo
e i muri traspirano l' antichità'.
Perche' la memoria e' così' attenta
per quello che non conosce?*

*E il vento avvolto dalla passione
umilmente cade ai piedi.
Ma il duca di Grande Verdi
conduce il suo monologo fatale
di un cuore mutevole...*

Dio!

*Perche', dimenticando i miei anni,
torno alla giovinezza passata
e ancora sono giovane, giovane!*

*Da questi incanti non si sfugge.
Ma la questione, probabilmente,
e' quella, che semplicemente
l'Italia ha toccato il mio cuore
con il suo stivaletto.*

*Светлой памяти моих родителей—
Елизаветы Ананьевны и
Николая Александровича Азовских*

Так полько
девошки умеют
петь...

* * *

Так только девочки умеют петь -
полубеспечно, полубезысходно,
как будто предъявляя счет судьбе,
как будто завтра - будет слишком поздно.

И первую бессонницу свою
в трагедию всего земного шара
почти шутя ребенок превращает.
- Так с миром заключается союз.

И белый свет лежит у детских ног,
оторопев от раннего прозренья.
Запоминает ночь стихотворенье,
как школьница прилежная урок.

РИСУЮТ ДЕТИ

До подснежника -
первым ручьем,
так внезапно прорвавшись к свету,
все бывшее весна зачеркнет,
перекраивать время начнет,
превратив тротуары в мольберты.
И оставит на память земле
изумленного детства подарок.

Новый мир сотворен без помарок,
как сподобили прутик и мел.

Вне иерархий и школ -
лишь за тем,
чтобы радовать мир человеческий,
белый дым завивает колечки
над воздушной конструкцией стен.
И повисло на нитке луча
мальшом прирученное солнце.
И кораблик уходит без лоний,
положившись на волю ручья.

За день вырастут этажи.
- Нарисуем и станем жить! -

Как у будущих гроз и дождей
отвоеванная победа -
голос юного Архимеда:
- Не касайся моих чертежей!

* * *

Скверный дождь в пустынях скверов.
Полночью подушки полны.
Фонарей ослепших склеры
раздирают мутный полог.

Надоели все химеры
о весне, цветах и звездах.
Лучше - снега бы скорее
и крещенского мороза!

ПЕРВЫЙ СНЕГ

И требует зима: Рисуй!
И, предлагая краски снега,
древнейшему из всех искусств
меня учить берется смело.

Как это просто - глаз прищурить,
на радугу рассечь снега,
и, вслушиваясь в птичий гам,
постичь ультрамарин и сурик.

Я вдохновенно белый свет
дарю веселым смехом красок.
Но все старания - напрасны:
мой белый свет - мой первый снег.

* * *

Снег - снова спасение,
снова спокойствие.
Раскрепощенье
от пуганиц осени.
От пламени леса,
от пламени мыслей,
от памяти сердца,
заоблачной выси.

В ладонях снежинки
не стынут, не тают.
Вся трепетность жизни
в прощенье, в прощанье.

-Прощайте! - прощаюсь.
- Прощайте!- прощаю.
На век ли расстались?
На вечность, пожалуй.

И в снеге прошенья,
и в снеге прощанья
кружатся осенние
воспоминанья.

ГРОЗА

Гром испугался тишины,
и потому был вздрог обрущен
на сон окраин благодушных
как бы признанием вины.

И прежде радуг - горизонт
являл полям и дачам плаху.
Никто не видел, как со страху
гром спрятался в громоотвод.

* * *

Девочка играет Бетховена.
Легко срывает звуки
и спокойно бросает их
в полутемную комнату.
Уверенно бегают детские пальцы,
а клавиши стонут -
им очень трудно.
Я слушаю,
и мне страшно:
неужели она понимает это?

* * *

О вальс! Ты ловкий ловелас!
Твой взгляд невинен и доверчив!
Еще любовь не началась,
но мукой опалило плечи.

- Шагни! О, только раз один -
шагни! - И ты во власти круга,
где залы радужной огни
уже воспалены недугом.

- О, только сделай первый шаг!
А дальше - вихрь! А дальше - омут!
Все силой прошлого - душа
воспоминания не тронет.

... Но гаснет музыки аккорд -
последний знак судьбы: расстаться.
И долго на плече живет
прикосновение легких пальцев.

ЧИТАЯ «ТРЕХ СЕСТЕР»

Сестре Ольге

1.

Как золотые эполеты,
неистовое в удалстве,
свои ладони топиг лето
в истосковавшейся листве.

Казалось, жизнь переменилась.
И в звуках полковой трубы
предвосхищение судьбы
отныне объявляло милость.

Закат вставал у изголовья.
Он таял, но не отступал.
Что он оберегал? Любовь ли?
Иль неба жаркого овал?

И бредили высоким звезды,
звонящие средь тишины.
И пахли ночи чем-то поздним,
но были так нежны, нужны,

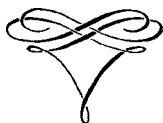
так быстры... И прощальной медью
трубы встревожен горизонт.
Стоял приговоренный к смерти
дерев осенних гарнизон.

Твержу сестре: - Не плачь, не надо!
Пусть осень отведет беду.-
Аллеи утреннего сада,
как в память, за собой ведут.

Ей так знаком сигнал тревожный
последних перелетных стай.
И чем понятней невозможность,
тем горестней: - Не улетай!

И в том, к чему душа стремится,
нам в рану обращая слух,
есть что-то от полета птицы,
когда он устремлен на юг.

Отговорить, уйти, умчаться
на край земли - за рук предел!..
Сестра мне говорит о счастье,
случайно выпавшем в судьбе.

* * *

О, эти взгляды быстрые,
открытые, без хитрости,
без робости - стремительны,
о многом говорите вы.

От вас никак не спрячешься,
вы видите - сквозь платице,
вы тайны поверяете,
вы в тайны увлекаете.

Вы ждете откровенности,
а многое известно вам.
Боюсь я вас, безжалостных...

* * *

И не ревнуют, а завидуют,
и смотрят, смотрят восхищенно
девчонки вслед красивым женам,
к кому уходят их любимые.

И отпускают безболезненно,
поняв, что спорить - бесполезно,
не чувствуя своей вины,
не одержав своей победы.
Горды от счастья и полны
наивной гордостью этой.

Мужья уходят в мир привычек
от глаз, влюбленных и притихших,
к небрежности спокойных рук,
к простым халатикам домашним.
А девочки ночами плачут -
от радости, а не от мук.

А утром кажутся им лишними
подруги школьные и книжки.
И девочки спокойно ждут
в своей уверенности детской
таких усталых, мудрых, нежных.
И возвеличивают женщин,
к которым те опять уйдут.

* * *

А может быть, начать все снова?
Найти уверенность - кричать?
Поверить в первозданность слова,
касаясь твоего плеча?

А может быть, устать от шума
бед, взятых напрокат из книг?
И с мудростью застывших мумий
не соглашаться ни на миг?

И всею взбалмошностью спорить
с тем, что для каждого удел
свой уготован...

Взять - и просто
сбежать

по лестнице

к тебе!

* * *

Я держу на ладони твое «счастье»
Как оно непрочно:
упадет -
и голубые искорки
потухнут на черном асфальте.
Поэтому я крепко сжимаю в руке
маленький стеклянный шарик,
в котором мы с тобой
отражаемся
вверх ногами.

* * *

А я люблю тебя, люблю!
Умею как и не умею,
себе подобного леплю
и от старания - немею.

Сквозь пальцы - ветер! - общий дар.
Беспутным в мире мало места.
Такой! - как талая вода,
простор поднявшая над лесом,

Такой! - как вздрагивает конь,
в азарте выдувая лунку.
Такой! - и, нежностью смирен,
кладешь мне голову на руку,-

такой, как ты! как ты! как ты! -
родня и ровня! И - по нраву!
По праву женщины, по праву
любви - леплю из пустоты.

* * *

Быстрее, чем свет и мысль, - мгновенно то есть
я поклянусь, что нет прекрасней глаз,
куда я так внезапно ворвалась
и где осталась жить, не беспокоясь.

И не боюсь ни времени, ни верст:
открыто лето для иного зренья -
очарованья или озаренья,
где мы однажды достаем до звезд.

Однажды. Только раз. И навсегда.
Я не скажу: «любовь», - но нету доли
прекрасней той, где яблоко - в подоле,
где красота не ведает стыда.

И день пройдет. И год пройдет. И век.
А я в глазах живу. И так беспечно
смеюсь, как будто этот человек
взял про запас мгновение и вечность.

